

СЕМАНТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК БРАТЬЕВ ГРИММ)

Романова Наталья Васильевна

к. филол. н., доцент Херсонского государственного университета, Украина,

г. Херсон

E-mail: natalroman@mail.ru

THE SEMANTICS OF EMOTIONAL INTERJECTIONS IN GERMAN (CASE STUDY OF THE TALES BY BROTHERS GRIMM)

Romanova Natalya

Candidate of philological Science, assistant professor of Kherson State University,

Ukraine, Kherson

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию семантики эмоциональных междометий в немецком языке. Проблема изучается методом сопоставления, анализа дефиниций, контекста и классификации. Выявлено, что семантика эмоциональных междометий представлена в языке полисемично и диффузно, в речи – полисемично, аксиологично, прагматично, узуально. Данное явление воссоздаётся в сознании человека сквозь призму норм, оценок и опыта. Нормативно-ценностная база и опыт находят своё отражение в когнитивных эмоционально-аксиологических стереотипах и закрепляются в языковых структурах в виде слов – эмоциональных междометий.

ABSTRACT

The article highlights the semantics of emotional interjections in German. The problem is studied by comparing, analyzing definitions, context and classification. It is revealed, that the semantics of emotional interjections is presented in language polysemantic and diffusely and in the speech polysemantic, axiological, pragmatic, common usage. This phenomenon is recreated in the human mind through the prism of standards, assessments and experience. Normative value base and experience are reflected in the emotional and cognitive axiological stereotypes and fixed in the language structures in the form of word – emotional interjections.

Ключевые слова: междометие; эмоция; семантика; сказка; эмоциогенная ситуация; активатор.

Keywords: interjection; emotion; semantics; tale; the emotive situation; activator.

Изучение междометий как формы проявления эмоций относится к ранним этапам развития языка. Формально, эта взаимосвязь закреплена римским языкознанием [1, с. 11]. Несмотря на внушительный корпус исследований, нет единства взглядов на рассматриваемое понятие, дискуссии о лингвистическом статусе междометий продолжаются и сегодня [3; 6, с. 7]. В качестве рабочего определения междометия мы используем дефиницию коллектива немецких учёных: «**Interjektion, auch Empfindungswort:** Wortart, die sich morphologisch, syntaktisch und semantisch deutlich von den übrigen Wortarten abhebt. Interjektionen sind unveränderliche, außerhalb des syntaktischen Satzrahmens stehende Wörter, deren Funktion sich auf den lautlichen Ausdruck von Empfindungen und Gefühlen beschränkt» [16, с. 117]. Такой подход представляется нам более правомерным ввиду того, что эмоциональные междометия морфологически аморфны. Агглютинативные включения новых формантов в данные междометия служат исключительно продлению его звучания или увеличению фонетических характеристик [5, с. 35-41].

При выделении значения эмоционального междометия в немецком языке мы ориентируемся на эмоциогенную ситуацию и/или контекст. Под эмоциогенной ситуацией мы понимаем условную совокупность обстоятельств, которые наиболее часто вызывают эмоции в человека [4, с. 241]. Данная ситуация зависит от отношения между мотивацией и возможностями субъекта. При этом учитывается действие трёх факторов: новизна, необычность, неожиданность. Ситуация считается *новой*, если человек абсолютно не готов к ней. Мерой новизны может быть отсутствие опыта и интенсивность эмоционального переживания. *Необычность* ситуации состоит в том, что она, даже повторяясь, остаётся всегда новой. Несмотря на приобретённый опыт,

такая ситуация квалифицируется как потенциально неопределённая: мрак, темнота, туман, частично одиночество, фантазии и т.п. Чтобы понять *неожиданность* ситуации, надо уметь отличить её от новой и необычной стимуляции. Неожиданность стимуляции мешает реализоваться возможностям адаптации [Там же, с. 72-73].

Теоретической основой для толкования контекста является идеи немецких языковедов: «**Kontext**: sprachliche Umgebung einer linguistischen Einheit oder Situation, in der sie geäußert wird (situativer K.); sprachlicher oder außersprachlicher Gesamtzusammenhang, in dem eine sprachliche Einheit (z. B. Wort oder Satz) steht» [16, с. 144]. С этой точки зрения контекст – это средство, диагностирующее семантический потенциал слова или предложения, например: *Nicht lange danach kam die alte Geiß aus dem Walde wieder heim. Ach, was mußte sie da erblicken! Die Haustür stand sperrangelweit offen, Tisch, Stühle und Bänke waren umgeworfen, die Waschschüssel lag in Scherben, Decken und Polster waren aus dem Bett gezogen* [7]. Здесь междометие *Ach* – «ах» выражает эмоцию **интереса** говорящего. Благодаря её использованию, говорящий преподносит слушателям или читателям своё мнение о том, как формируются эмоциональные паттерны или фазы перехода «эмоция1 → эмоция2», «при которой одна эмоция усиливает, ослабляет или подавляет другую» [2, с. 70]. Воспринимаемый объект – дом старой козы после посещения волка-злодея – корректирует с хаосом: входная дверь – распахнута *Haustür stand sperrangelweit offen*, стол, стулья, скамьи – опрокинуты *Tisch, Stühle und Bänke waren umgeworfen*, умывальник – разбит *Waschschüssel lag in Scherben*, подушки и одеяла с постели сброшены *Decken und Polster waren aus dem Bett gezogen*. В принципе, от такой «хаотичности» может сформироваться эмоция **горя**: *Endlich ging sie in ihrem Jammer hinaus, und das jüngste Geißlein lief mit*. Но интенсивность этой эмоции вызывает не столько хаос в доме, сколько смерть шести детей-козлят: *Sie suchte ihre Kinder, aber nirgends waren sie zu finden. Sie rief sie nacheinander bei ihren Namen, aber niemand antwortete. Endlich, als sie das jüngste rief, antwortete eine feine Stimme: «Liebe Mutter, ich stecke im Uhrkasten!»* [7]. Из примера видно, что

описание эмоционального состояния персонажа в виде набора определённого количества моторных и речевых действий *suchte, rief nacheinander, rief* до некоторой степени автоматически, т.е. указывает на погружение в горе и одновременно даёт возможность отвлечься от него. Очевидно, жизненный опыт может снимать различие между эмоциями или нейтрализовать их четкое проявление. Основанием для этого утверждения может служить тот факт, что дальше в тексте активизируется не эмоция гнева, а эмоция интереса: *Als sie auf die Wiese kamen, lag der Wolf immer noch unter dem Baum und schnarchte, daß die Äste zitterten. Die alte Geiß betrachtete ihn von allen Seiten und sah, daß in seinem vollen Bauch sich etwas regte und zappelte. Ach, Gott, dachte sie, sollten meine armen Kinder, die er zum Nachtmahl hinuntergewürgt hat, noch am Leben sein?* [Там же]. Как видим, субъект исследует объект интереса со всех сторон *betrachtete ihn von allen Seiten*, идентифицирует живых козлят внутри объекта *in seinem vollen Bauch sich etwas regte und zappelte*, испытывает при этом новые переживания от взаимодействия с объектом *Ach, Gott, dachte sie, sollten meine armen Kinder, ... noch am Leben sein?* Даже оставаясь недвижимым, субъект начинает активно действовать, привлекая младшего козлёночка: велит ему бежать поскорее домой и принести ножницы, иглу и нитки. Функции самого субъекта трансформируются – вести наблюдение, стеречь объект, продумать тактику поведения, если объект активизируется. Данный пример позволяет предположить, что социокультурные нормы немецкого этноса, связанные с эмоцией горя, развиваются позже, после распада индоевропейского сообщества, когда осознавалось ощущение потери ценного и любимого, того, к чему имелаась сильная аффективная привязанность.

Встречаются также примеры, в которых междометие со словарным значением удивления [17, с. 298], выражает эмоцию **гнева**: *«Was muß ich hören!» rief der Schneider, lief hinauf und sprach zu dem Jungen: «Ei, du Lügner, sagst die Ziege wäre satt und hast sie hungern lassen?» Und in seinem Zorne nahm er die Elle von der Wand und jagte ihn mit Schlägen hinaus* [12]. Значение рассматриваемой языковой единицы в этом контексте не только эмотивно, но и экспрессивно –

«Эх ты!». Расширение значения междометия *Ei* до личного местоимения «ты» свидетельствует о синкретизме частей речи и семантике лексем. В приведенном примере активаторами эмоции гнева являются ложь и голод, т.е. вербальная несвобода, психологическая и физическая. Персонаж испытывает враждебные чувства *Zorne* к предмету своего обожания, он очень агрессивен *nahm er die Elle*, поэтому атакует физически *jagte ihn mit Schlägen hinaus*.

Чтобы контролировать своё эмоциональное состояние, человек должен уметь отличить одну эмоцию от другой, идентифицировать их и называть. Нами зарегистрировано вариантное выражение эмоции гнева, выраженной междометием *Oh* с расширенным значением «ах ты!», передающим негодование, угрозу, агрессию: «*Oh, die Lügenbrut!*» *rief der Schneider, «einer so gottlos und pflichtvergessen wie der andere! Ihr sollt mich nicht länger zum Narren haben!» Und vor Zorn ganz außer sich sprang er hinauf und gerbte dem armen Jungen mit der Elle den Rücken so gewaltig, daß er zum Haus hinaussprang* [Там же]. Тут агрессия не столько проявляется, сколько прогрессирует, имеет как физические *gerbte dem armen Jungen mit der Elle den Rücken so gewaltig*, так и психологические последствия – «конфликт поколений» *gerbte ... so gewaltig, daß er zum Haus hinaussprang*. Нужно обратить внимание на то, что на заключительной стадии этого непростого жизненного испытания – еда/ложь/дети – персонаж пережил чувство вины перед родными: *Der Schneider, als er so ganz einsam in seinem Hause saß, verfiel in große Traurigkeit und hätte seine Söhne gerne wieder gehabt, aber niemand wußte, wo sie hingeraten waren* [Там же]. Ощущение дискомфорта – одиночество *so ganz einsam*, стресс *verfiel in große Traurigkeit*, потеря сыновей *hätte seine Söhne gerne wieder gehabt* – делает человека раздражительным или вызывает у него гнев, направляемый на источник душевной боли, в нашем случае, на «любимую козочку».

Эмоция **страха** может быть представлена коллективно и индивидуально. Коллективный страх вызывают, например, специфические рассказы, воспринимаемые слушателями как угроза их спокойствию или безопасности: *Oder wenn abends beim Feuer Geschichten erzählt wurden, wobei einem die Haut*

schaudert, so sprachen die Zuhörer manchmal: «Ach, es gruselt mir!» [15]. Согласно приведенному примеру, активатором страха является необычность содержания информации *wobei einem die Haut schaudert*, сопровождающими факторами выступают: отрезок времени – вечер *abends*, интеллектуальный совокупный продукт человеческого мозга *Geschichten*, направленность действия этого продукта на субъект *erzählt wurden*. Индивидуальный страх связан с чувством неуверенности, потерей контроля над своей жизнью: *Da stellte er sich ganz verzagt in seiner Angst hin und sagte: «Manntje, Manntje, Timpe Te, / Buttje, Buttje in der See, / meine Frau, die Ilsebill, / will nicht so, wie ich wohl will.» «Na, was will sie denn?» sagte der Butt. «Ach», sagte der Mann, «sie will Papst werden.» [13].* В данном примере важна и сама просьба – женщина хочет «стать Папой Римским» – суверенной персоной исключительного свойства, т.е. владеть тремя нераздельными функциями власти. Речь идёт о Верховном правителе Святого Престола, видимом главе Католической церкви и Ватикана. Папой, как известно, может быть избран любой неженатый мужчина-католик. Следовательно, происходит не только статусная переориентация, но и гендерная, за которой следует производственная. Отношения между женской половиной общества и мужской, показанные здесь, типичны для периода матриархата. Эмоция **досады**, как производная от эмоции страха, выделяется на индивидуальном уровне – психически больных людей: *Der Junge ging auch seines Weges und fing wieder an, vor sich hin zu reden: «Ach, wenn mir's nur gruselte! Ach, wenn mir's nur gruselte!» [15].* Повтор действия данных персонажей лишь подтверждает ограниченность их когнитивной деятельности *fing wieder an, vor sich hin zu reden*, а параллелизм междометия *Ach* подчеркивает, формально, относительную стабильность эмоционального состояния таких людей. Эмоцию досады может вызвать и антигуманное отношение человека к стареющему домашнему животному: *Als er ein Weilchen fortgegangen war, fand er einen Jagdhund auf dem Wege liegen, der japste wie einer, der sich müde gelaufen hat. «Nun, was japst du so?», fragte der Esel. «Ach», sagte der Hund, «weil ich alt bin und jeden Tag schwächer werde, auch auf der Jagd nicht*

mehr fort kann, hat mich mein Herr wollen totschiagen, da hab ich Reißaus genommen. Aber womit soll ich nun mein Brot verdienen?» [8]. В приведенном примере качество функций охотничьей собаки ограничено биологическим возрастом. Этот возраст является мерой не только психической (эмоциональной) *Ach* и физической *hat mich mein Herr wollen totschiagen* жизни, но и социально-психологической *Aber womit soll ich nun mein Brot verdienen?* Последняя мотивирует эмоциональное поведение индивида *ich* в социуме, его взаимодействие и взаимопонимание с другими людьми *verdienen*. Такое поведение инициируется эмоцией интереса, который и заставляет индивида искать пути реализации своих навыков и умений *womit*.

Рассмотрим теперь эмоцию **отвращения**, выраженную анализируемым местоимением: «*Ach*», *sagte die Frau, «es ist doch übel, hier immer in dem alten Pott zu wohnen, der stinkt und ist so eklig; du hättest uns doch eine kleine Hütte wünschen können. Geh noch einmal hin und rufe den Butt und sage ihm, wir wollen eine kleine Hütte haben. Er tut das gewiß»* [13]. Отвращение в иллюстрированном примере активировано когнитивной оценкой объекта: старая избушка *in dem alten Pott*, скверно пахнувшая *stinkt*, грязная *so eklig*. На передний план здесь выступают время, пространство, запах, чистота. Предполагаем, что доминантой является всё же время, поскольку неприятный запах или грязь вызывает тошноту, которая выражается междометием *pfui!* Перечисленные категории, безусловно, отталкиваются от каких-то социокультурных норм, эталонов, образцов, ценностей немецкого народа.

Определённое семантическое развитие получили эмоциональные междометия, выражающие такие позитивные эмоции, как радость, удивление, стыд. Источником **радости** может быть достижение цели или психическая свобода: «*Willst du mit mir fahren?» «Ach ja, von Herzen gern», antwortete es, denn es war froh, daß es der Mutter und Schwester aus den Augen kommen sollte* [9]. При этом радость ограничивается внутренней соматикой *Herz* и органом зрения *Augen*. Хотя сердце и глаза (трансформированный мозг) тождественны по значению, они различны по форме. Формально, сердце и глаза являются

«органами-синонимами» радости. Таким путём мы приходим к выводу, что в отношениях между именами «сердце», «глаза» и междометием «Ах!» действуют те же принципы «синонимии».

Возможны комбинации реакций на один и тот же активатор эмоции в диалектной речи: *In de Stuw seet de Vader, de Moder un Marleenken by Disch, un de Vader säd «ach, wat waart my licht, my is recht so good to Mode.» «Nä,» säd de Moder, «my is recht so angst, so recht, as wenn en swoor Gewitter kummt.»* [14]. Эмоция радости выражается здесь междометием *ach*, а эмоция страха – отрицательной частицей *Nä*, относящейся ко всему предложению и выступающей как маркер нейтрализации предыдущей эмоции.

Что касается эмоции **удивления**, её выражение отличается иногда повтором междометия: *Darauf ging es zum Bett und zog die Vorhänge zurück. Da lag die Großmutter und hatte die Haube tief ins Gesicht gesetzt und sah so wunderlich aus. «Ei, Großmutter, was hast du für große Ohren!» – «Daß ich dich besser hören kann!» – «Ei, Großmutter, was hast du für große Augen!» – «Daß ich dich besser sehen kann!» – «Ei, Großmutter, was hast du für große Hände!» – «Daß ich dich besser packen kann!»* [11]. Из примера видно, что причиной для удивления служат сначала предметы *Haube*, потом размеры парных частей тела *große Ohren, große Augen, große Hände*. В данном случае можно считать, что эмоция удивления порождает не только эмоцию интереса, но и фиксирует факт присутствия эмоции страха, который испытывала Красная Шапочка перед тем, как вошла в комнату.

Активатором эмоции **смущения** может быть унижение, когда стирается грань между субъектом и объектом: *«Na, was will sie denn?» sagte der Butt. «Ach», sagte der Mann halb bekümmert, «sie will in einem großen Schlosse wohnen.»* [13]. Здесь рыбак чувствует себя беспомощным, униженным, маленьким, такой игрушкой не только в руках жены, но и камбалы-рыбы. Он не в состоянии выразить словами свои переживания. Позже рыбак скажет жене «прошу, образумься и останься ты Папой!», но опять потерпит фиаско.

Эмоция **стыда** не обязательно сопровождается появлением румянца, однако для неё характерно переживание осознания собственного «я» [2, с. 344]. При этом активатором эмоции может быть и «богатое» воображение индивида: «*Ach,*» *dachte sie, «wenn auf den Markt Leute aus meines Vaters Reich kommen und sehen mich da sitzen und feilhalten, wie werden sie mich verspotten!»* [10]. Согласно примеру, негативное значение имеет не только междометие *Ach* – «Ах!», но и эмотивный глагол *verspotten* – «насмехаться над кем-либо». Можно выделить, как минимум, четыре компонента, стимулирующих эмоцию стыда: объект насмешек *mich*, публичное место *auf den Markt*, публика определённого круга, знающая хорошо объект *Leute aus meines Vaters Reich* и поступок объекта *da sitzen und feilhalten*. Через осмысление данной ситуации, переживания индивид умножает знания о себе.

Одной из причин эмоции **презрения** является чувство собственного превосходства над другими. Превосходство женской красоты над мужской можно наблюдать в таком примере: *Und so hatte sie an jedem etwas auszusetzen, besonders aber machte sie sich über einen guten König lustig der ganz oben stand und dem das Kinn ein wenig krumm gewachsen war. «Ei,*» *rief sie und lachte, «der hat ein Kinn, wie die Drossel einen Schnabel!»* [Там же]. Как видим, семантика междометия *Ei* со значением «ого!» тесно связана с действиями, а именно: оценочным глаголом *aussetzen*, эмотивным устойчивым выражением *sich über jemanden lustig machen*, глаголом речи *rufen*, эмотивным глаголом *lachen*. Негативное значение презрения очевидно. Оно приводит к деперсонализации объекта презрения, в нашем случае король, чей подбородок был чуть кривоват, становится «Дроздовиком». Перенос осуществляется по схеме «птица → человек».

В заключение обзора семантики эмоциональных междометий необходимо упомянуть о том, что не все базовые эмоции могут выражаться этой частью речи, а именно: эмоция **вины**. Предполагается, что она слабо идентифицировалась немецким этносом в фольклорных текстах.

Хотя фонетическая оболочка исследуемых междометий представлена весьма лаконично – *Ach, Ei, Oh* – их семантическое наполнение отражает понятия почти всех базовых эмоций.

Список литературы:

1. Гамзюк М.В. Емотивний компонент значення у процесі створення фразеологічних одиниць: На матеріалі німецької мови: монографія. К.: Вид. центр КДЛУ, 2000. — 256 с.
2. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2008. — 464 с.
3. Киреева В.Г. Междометие как показатель градуальности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мордовский гос. пед. ин-т им. М. Е. Евсевьева. М., 2010. — 20 с.
4. Кириленко Т.С. Психологія: емоційна сфера особистості: навч. посібник. К.: Либідь, 2007. — 256 с.
5. Таранец В.Г. Энергетическая теория речи: монография. К.-Одесса: Вища шк., 1981. — 150 с.
6. Шаронов И.А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2009. — 36 с.
7. Brüder Grimm Der Wolf und die sieben jungen Geißlein. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/fairyTale/892-der-wolf-und-die-sieben-jungen-geisslein.htm> (дата обращения 08.12.2012)
8. Brüder Grimm Die Bremer Stadtmusikanten. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/e4f3551db3e7ee9b72828821ebe50587/fairyTale/5065-die-bremer-stadtmusikanten.htm> (дата обращения 09.12.2012)
9. Brüder Grimm Die drei Männlein im Walde. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/78a723d35ac130ecdaa13c91a2b05688/fairyTale/3792-die-drei-maennlein-im-walde.htm> (дата обращения 09.12.12)

10. Brüder Grimm König Drosselbart. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/2ec4a12736a92c936ac3287a581be6f6/fairyTale/2581-koenig-drosselbart.htm> (дата обращения 10.12.2012)
11. Brüder Grimm Rotkäppchen. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/482f2012680f5070d00428135985955e/fairyTale/6888-rotkaeppchen.htm> (дата обращения 09.12.2012)
12. Brüder Grimm Tischchen deck dich, Goldesel und Knüppel aus dem Sack. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/fairyTale/1007-tischchen-deck-dich-goldesel-und-knueppel-aus-dem-sack.htm> (дата обращения 08.12.2012)
13. Brüder Grimm Von dem Fischer und seiner Frau. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/fairyTale/1011-von-dem-fischer-und-seiner-frau.htm> (дата обращения 09.12.2012)
14. Brüder Grimm Von dem Machandelboom. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/fairyTale/1012-von-dem-machandelboom.htm> (дата обращения 09.12.2012)
15. Brüder Grimm Von einem, der auszog, das Fürchten zu lernen. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1000-maerchen.de/fairyTale/1015-von-einem-der-auszog-das-fuerchten-zu-lernen.htm> (дата обращения 08.12.2012)
16. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Leipzig: VEB Bibliograph. In-t, 1975. — 306 S.
17. Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache / [Neubearb. / Hrsg. von Götz Dieter, Haensch Günther, Wellmann Hans]. Berlin; München; Wien; Zürich; N. Y.: Langenscheidt, 2008. — 1307, [5] S.